

Д. В. КОНКИН

ЗЕМЕЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В КРЫМУ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XIX ВВ.): «МНЕНИЯ» И «ПРОЕКТЫ»¹

4 декабря 1801 г. в Санкт-Петербурге в Зимнем дворце состоялось первое заседание «Комитета о устройении Новороссийской губернии» (далее – Новороссийский Комитет), который, по замыслу императора Александра I, должен был определить важнейшие перспективные направления хозяйственно-административного развития края [РГИА, Ф. 1307, Оп. 1, Д. 1, л. 1]. Среди многочисленных занятий совещательного органа важное место отводилось обсуждению противоречивой и специфической проблемы урегулирования земельных конфликтов в Крыму.

Дело в том, что на начальном этапе интеграции Крыма у царского правительства не существовало единой концепции социально-экономического освоения полуострова. Регион стал своеобразным полигоном для выработки стратегий и проектов в отношении национальных окраин Российской империи в условиях официально провозглашенных принципов «просвещенного абсолютизма». Гетерогенность имперского пространства обуславливала несколько вариантов интеграционных процессов в Крыму: от тотальной инкорпорации до автономного функционирования административного субъекта. Ни один из сценариев не стал главным. Неопределенность в политике проявилась в двойственности государственных решений. Имперская власть с одной стороны в указах и манифестах гарантировала неприкосновенность традиционного общественного уклада старожильческого населения Крыма, а с другой активно внедряла общероссийские правила в устоявшуюся веками систему отношений. Эффективно совместить обе практики было невозможно. В правовом поле российского законодательства просто не находилось критериев для полноценной фиксации мест-

---

¹ Работа выполнена в рамках Гос. задания Минобрнауки РФ № 2015/701-3 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

ной юридической номенклатуры, экономических понятий, фискальных правил. Элементарное незнание чиновниками местных религиозных обычаев и законов привели к пропуску, игнорированию или искаженному восприятию многих важных традиционных институтов, таких как вакуф, бейлик, меват, шифат, джемаат, что заложило серьезные проблемы в экономическую и социальную жизнь полуострова. Наиболее ярко эти противоречия отразились в сфере земельных отношений в Крыму.

Суть проблемы в землеустройстве полуострова состояла в следующем. После присоединения Крыма к Российской империи одним из главных действий государственной власти по экономическому преобразованию края стала массовая раздача казенных земель новоприбывшим российским помещикам, местным чиновникам и лояльной к империи крымскотатарской знати под обязательства заселить эти земли крестьянами. Связаны такие раздачи были, прежде всего, с малонаселенностью региона, возникшей вследствие массовой эмиграции местных жителей [25, с. 379–392]. Распределение наделов среди помещиков осуществлялось из фонда казенных земель, который формировался главным образом из двух источников. Во-первых, весь ханский домен полностью отошел к казне. В этот фонд вошли также бывшие турецкие владения на южном побережье и в горах, перешедшие в распоряжение хана Шагин-Гирея после Кучук-Кайнарджийского договора. Во-вторых, к казне отходили так называемые «пустопорожные земли» эмигрировавших из Крыма беев и мурз, а также кочевого населения степной части полуострова. Для точного определения размера, границ казенных земель по поручению Г. А. Потемкина в 1787 г. было подготовлено «Камеральное описание землям и садам после вывода христиан и выехавших за границу мурз и поступившим в казну», составленное бывшим ханским откупщиком Абдул-Хамит-агой и смотрителем перекопской таможни коллежским асессором Михайлой Караценовым. Этот кадастр оказался чрезвычайно неточным и поверхностным, «без всяких указаний на количество земли и угодий» [17, с. 53–54]. В него попало много земель, которые не были «пустопорожными», а находились в чьей-либо собственности или уже возделывались местными крестьянами. Несмотря на очевидные недостатки, данный документ надолго стал главным указателем для определения участков, предназначенных к раздачам и продаже [см., например: ГАРК, Ф. 801, Оп. 1, Д. 37, л. 6–9; Ф. 27, Оп. 1, Д. 506, л. 1–5].

Ответственность за неудачную организацию земельных пожалований в Крыму уже современники событий возлагали на главного устроителя Новороссийского края князя Потемкина. Так, участник созданной в 1802 г. «Комиссии для разрешения споров о праве на владение земель на Крымском полуострове» П. И. Сумароков писал, что Потемкин «учинил немалую погрешность неосмотрительною раздачею земель», когда «вместо небольших участков полезным поселянам» отдавал тысячи десятин «боярам, оставившим их без внимания, или неизвестным пришельцам, не ведающим домостроительства и лишенным всяких средств», в результате «уполномоченные чиновники, вопреки предписаниям, отводили не то, что следовало, а новые помещики получали ненадежные удостоверения на свои приобретения» [33, с.

161]. Многочисленные неточности при определении статуса земли, предназначенной к раздаче, слабое качество имущественных реестров в сочетании с низким уровнем исполнительной власти стали причиной долговременных конфликтов «новых» и «старых» собственников крымских земель, приведших к полной стагнации экономики полуострова к началу XIX в. Российские чиновники отмечали, что бесконечные споры и тяжбы «привели тамошнее сельское хозяйство в совершенный упадок» [РГИА, Ф. 1307, Оп. 1, Д. 4, л. 16 об.], результатом чего стали «опустошение и ужасные следы беспорядков» [26, с. 128]. Возникшая проблема требовала тщательного изучения и нестандартных подходов. Предстояло решить, как исправить ситуацию на полуострове, чтобы выполнить обещания правительства о сохранении прежних прав и традиций местного мусульманского населения и в то же время не нарушить собственные права российских помещиков. Во всех этих противоречиях и должен был разобраться Новороссийский Комитет. Изначально в его состав вошли известные и влиятельные государственные деятели: участник «негласного комитета» при императоре, будущий министр внутренних дел В. П. Кочубей, генерал-прокурор А. А. Беклешов, князь П. А. Зубов, адмирал Н. С. Мордвинов, а также прекрасно осведомленный о делах «полуденного края России», автор известного «Физического описания Таврической области» тайный советник К. И. Габлиц [РГИА, Ф. 1307, Оп. 1, Д. 1, л. 1]. Позднее Комитет был «усилен» министром коммерции Н. П. Румянцевым и министром юстиции Г. Р. Державиным. К участию в работе совещательного органа разрешалось приглашать новороссийского военного губернатора И. И. Михельсона и других местных чиновников, по мере необходимости [9, с. 178]. Делопроизводство было поручено вести на тот момент экспедитору Государственного Совета, статс-секретарю А. Н. Оленину [РГИА, Ф. 1307, Оп. 1, Д. 1, л. 1 об.].

Уже на втором заседании Новороссийского Комитета, состоявшемся 7 декабря 1801 г., было зачитано донесение Михельсона о проблемах крымского землеустройства [РГИА, Ф. 1307, Оп. 1, Д. 1, л. 5 об.]. Высокопоставленный чиновник, который был назначен на должность новороссийского военного губернатора еще при Павле I, достаточно неожиданно, прежде всего, для российских помещиков, выступил активным поборником полномасштабной ревизии земельной собственности в Крыму и возврата ее в безусловное владение крымских татар. Руководствовался Михельсон в своих действиях указами, утвержденными Екатериной II. Прежде всего, речь шла о рескрипте императрицы князю Зубову от 17 сентября 1796 г., в котором подтверждались права и обязательства, ранее предоставленные имперской властью крымским татарам. В первом пункте рескрипта предписывалось расследовать случаи незаконной передачи российским помещикам «пустопорожных» земель эмигрировавших татар и при выявлении нарушений «неправильно взятое настоящему хозяину возвратить или другим пристойным образом сделать удовлетворение» [19, с. 95–96; 14, с. 16–17]. Другим ключевым для крымского землеустройства законом стал сенатский указ от 9 ноября 1794 г. [ПСЗРИ I, т. 23, № 17265], который предоставлял «простым татарам» право потомственного владения и продажи так называемыми «дворянскими имения-

ми»: то есть все крымские татары вне зависимости от происхождения были уравниены в собственнических правах на землю с российским дворянским сословием. Личную оценку Михельсона ситуации, сложившейся на полуострове, мы можем узнать из сочиненной им в январе 1802 г. «Записки о землевладении в Крыму». Новороссийский губернатор замечал, что прибывшие в Крым помещики вместо того, чтобы заниматься заселением полученных бесплатно «пустопорожных» земель, активизацией сельскохозяйственного производства или же развитием различных фабрик, мануфактур (для чего, собственно, и задумывались раздачи), начали присваивать возделываемые крымскотатарскими крестьянами земли и бороться за привилегии, которыми ранее обладали мурзы в отношении рядовых татар незнатного происхождения [РГИА, Ф. 1307, Оп. 1, Д. 7, л. 2]. Более того, в некоторых случаях они пытались привычную для большинства российских губерний «внутриколониальную» практику в отношении помещичьих крестьян перенести на новые территории, применить ее на лично свободном крымском населении. Так, Михельсон сообщал, что российские помещики произвольно увеличивали повинности крымским татарам, находившимся на владельческих землях, отбирали у них усадьбы, дома, огороды, сады – имущество, которое было законодательно закреплено за местными мусульманами [РГИА, Ф. 1307, Оп. 1, Д. 7, л. 2, 2 об.]. В результате крымские татары в массовом порядке начали судиться с помещиками, поскольку землю на полуострове раздали без учета прав на нее местного населения. Одни отстаивали собственность, которой обладали ранее, другие, в качестве казенных крестьян, боролись за право пользоваться землями в этом статусе без всяких обязательств по отношению к помещикам. По мнению новороссийского губернатора, следовало «бывшее во владении татар в оном свободно и оставить». Но время было потеряно и многие земли не только были розданы помещикам, но и «утверждены» в собственность. Решение теперь зависело «исключительно от монаршей власти»: каким образом и помещиков «удовлетворить», и татар, как «казенных поселян», наделить землей и освободить от помещичьей зависимости [РГИА, Ф. 1307, Оп. 1, Д. 7, л. 3 об., 4].

Мнение о том, как решить проблему, Михельсон изложил в «Проекте об урегулировании земельных отношений в Крыму» [РГИА, Ф. 1307, Оп. 1, Д. 8, д. 8]. «Весьма очевидно, – писал чиновник, – что Ея Императорское Величество [Екатерина II]... никогда не имела намерения на то, чтобы раздать помещикам земли, состоящие новых подданных ея составляющие, и чтобы даровав свободу им от повинностей казне, чрез раздачу земель [потом] их поработить помещикам», поэтому осуществленное ранее распределение земель, принадлежавших крымскотатарским поселениям, было «делом беззаконным, Монаршей воле противным, и употребленные при раздачах сих обряды законные [следовало считать] за незаконные, яко от злоупотреблений происшедшие». Для исправления нарушений, рекомендовалось поступать в точном соответствии со словами рескрипта 1796 г.: «неправильно взятое» отобрать и возвратить «настоящему хозяину» (то есть крымским татарам). Помещиков, земли которых подлежали изъятию, следовало, по мнению новороссийского губернатора, наделить дру-

гими «пустопорожными» участками, требовавшими заселения, как и задумывалось с самого начала [РГИА, Ф. 1307, Оп. 1, Д. 8, л. 1 об., 2].

Свои взгляды по поводу возникшей в Крыму конфликтной ситуации Михельсон, вероятно, сумел высказать непосредственно Александру I. В «дневных записках» Новороссийского Комитета отмечено, что 28 января 1802 г. один из «молодых друзей» императора граф Кочубей сообщил участникам заседания о «представлении», сделанном «Его Императорскому Величеству генералом от кавалерии Михельсоном о завладенных землях в Таврическом полуострове», на которое было вынесено «Высочайшее повеление» [РГИА, Ф. 1307, Оп. 1, Д. 1, л. 38]. Известно, что 26 января новороссийский губернатор вместе с Зубовым и другими приглашенными вельможами обедали у императора [13, с. 53], где вполне могла обсуждаться «крымская тема» или же состояться передача записки для прочтения Александром I. В свою очередь 27 и 28 января уже Кочубей был участником императорской трапезы [13, с. 55–56], во время которой мог получить «повеление», о чем впоследствии и сообщил на заседании Новороссийского Комитета.

Спустя несколько дней, 3 февраля 1802 г., вопрос о праве владения российскими помещиками землями в Крыму был рассмотрен на заседании влиятельнейшего «негласного комитета», где граф Кочубей ознакомил участников собрания с основными деталями проблемы. В частности, отметил, что среди пожалованных русским помещикам земель в Крыму оказалось много имений, ранее «принадлежавших туземцам, оставшимся в стране» [5, с. 64]. Кочубей предлагал вернуть право владения землями местным татарам, но обязать их платить аренду в пользу помещиков, так как последние успели уже потратить значительные суммы на улучшение пожалованных им некогда имений [там же]. По итогам заседания Александр I распорядился сформировать «особую комиссию» для изучения вопроса.

Кочубей же свои предложения несколько позже письменно изложил в виде «Проекта об урегулировании земельных отношений в Крыму». «Сомнения нет, что при раздаче не было...намерения лишить кого-либо прав торжественно манифестами утвержденных», – повторял граф тезисы, изложенные ранее Михельсоном, – напротив, Екатерина II «имела главной целью основать благоденствие новым подданным своим». Поэтому мурзам были предоставлены права дворян, а крымскотатарским крестьянам присвоили статус казенных, чтобы они «имели пользоваться всеми теми выгодами, кои принадлежат другим казенным в государстве поселянам». Но задуманные правила не были выполнены. Раздача земель в Крыму должна была проходить по законам, предусмотренным для всего Новороссийского края, но по факту проходила «образом довольно неясным...весьма неопределенным». Помещики, которым отдана была «деревня», или «долина», или «земля», начали захватывать все земли, которыми местные мусульмане пользовались, считая себя обладавшими по отношению к ним такими же правами, какими ранее владели мурзы и ханы. Из-за этого, а также и «по нарушениям людей беспокойных», и возникли в Крыму многочисленные тяжбы и «непримиримые несогласия», разорительные для обеих сторон.

Для урегулирования проблемы Кочубей предлагал законодательно подтвердить, что «татары крымские... суть люди вольные» и остались в том же положении и с теми же правами, какими владели «при ханах». Российских же помещиков в Крыму Кочубей хотел наделить правам местных мурз. И таким образом, крымскотатарские крестьяне, оказавшись формально на помещичьих землях, должны были спокойно продолжать этими землями пользоваться, выплачивая «по старинке» десятину и выполняя в пользу помещика трудовую повинность (не более пяти-шести дней в году) [РГИА, Ф. 1307, Оп. 1, Д. 9, л. 1–5].

Конечно, для помещиков, прибывших из внутренних губерний России, ситуация, когда находившиеся в границах их владений «татары-поселяне» отказывались выполнять повинности, всегда считавшиеся неотъемлемой обязанностью крестьян по отношению к владельцам земли, а тем более в качестве законных собственников предъявлять претензии на «дворянские имения», расценивалась как бунт, была ударом по устоявшемуся порядку. Усиливался эффект инициативами новороссийского губернатора Михельсона и, собственно, законодательной политикой имперских властей, которая носила поощрительный характер в вопросе сохранения традиционных прав и обычаев местных жителей. Неизбежным стало сопротивление крымских помещиков политике, проводимой губернатором Михельсоном. То, что противостояние местной элиты с назначаемыми «чужими» чиновниками, прежде всего губернаторами, являлось стандартной ситуацией для российской действительности «александровского» времени, достаточно хорошо известно и обычно связывается с неурегулированностью полномочий губернаторов, их обязанностей в условиях внедрения институциональной реформы министерств, и одновременного роста влияния дворянских собраний и их предводителей [3, с. 96, 97, 154, 155]. Ярким примером таких процессов являются конфликты, происходившие в Казанской губернии на протяжении всей первой трети XIX века, в которых местной чиновничье-дворянской корпорации неизменно удавалось одерживать верх и выживать с должности назначаемых «сверху» «неудобных» губернаторов [4, с. 133–212].

В крымском случае дополнительную сложность в разрешении конфликта добавляло то обстоятельство, что среди вовлеченных в имущественные споры землевладельцев оказалось достаточно много известных и влиятельных лиц: это и племянник князя Потемкина генерал-майор Н. П. Высоцкий, канцлер А. А. Безбородко и его младший брат генерал-майор И. А. Безбородко, военный губернатор, генерал от инфантерии граф М. В. Каховский, таврический губернатор С. С. Жегулин, ученый-энциклопедист П. С. Паллас, адмиралы флота Ф. Ф. Ушаков, Н. С. Мордвинов, О. М. де Рибас, правитель канцелярии Потемкина, генерал-поручик В. С. Попов и другие [19, с. 98–101, 109–110; ГАРК, Ф. 24, Оп. 1, Д. 236, л. 1–6; РГИА, Ф. 1307, Оп. 1, Д. 12, л. 1–30]. Таким образом, «местная элита» часто имела столичную «прописку». И эти «авторитетные» землевладельцы, конечно же, были заинтересованы в положительном для себя итоговом решении.

Следует отметить, что и в составе Новороссийского Комитета, за исключением,

пожалуй, генерал-прокурора Беклешова, все участники, так или иначе, были связаны с Крымом, являлись местными землевладельцами [36, р. 292]. Князь Зубов в течение 1793–1796 гг. непосредственно руководил Новороссийским краем и отвечал за землеустроительную политику в Крыму. Габлиц, начиная с 1784 г. почти 10 лет являлся вице-губернатором Таврической области, и, перебравшись в 1797 г. в Санкт-Петербург на новое место работы, стал одним из главных правительственных экспертов по Крыму. Имелась у него и земельная собственность на полуострове. Но наиболее крупным землевладельцем являлся адмирал Мордвинов. Сам он долгие годы служил на Черноморском флоте, а его владения в Крыму насчитывали десятки тысяч десятин. Земельная собственность досталась Мордвинову отчасти путем дарения: Екатерина II пожаловала ему «большую часть Ялтинской долины»² [29, с. 159; 6, с. 40], Качинское имение подарил адмиралу «приятель Фалеев»³ [29, с. 159–160], отчасти с помощью покупок: виноградники в Судаке, имения Суук-Су, Эльбузлы [29, с. 160] и знаменитая Байдарская долина (более 15 000 дес.), которую он приобрел у племянника Потемкина генерала Высоцкого [11, с. 55]. Значительная часть из этих земельных владений стала предметом судебных разбирательств [ГАРК, Ф. 24, Оп. 1, Д. 236, л. 1–6]. Неудивительно, что именно Мордвинов стал главным оппонентом Михельсона в рамках заседаний Новороссийского Комитета.

У Мордвинова имелись собственные воззрения на процессы, происходившие в Крыму, которые он изложил в докладе на заседании Комитета, состоявшегося 19 февраля 1802 г. [РГИА, Ф. 1307, Оп. 1, Д. 1, л. 52; Ф. 1307, Оп. 1, Д. 13, л. 1–4]. В документе были отражены наиболее острые проблемы крымского землеустройства, касавшиеся прав собственности татар на земли, подтверждающих документов на эти участки, способности местного населения успешно развивать сельское хозяйство в Крыму, в особенности, в горной его части и т.д. Мордвинов не зря так сильно беспокоился за систему и правила землепользования в Горном Крыму, так как именно здесь, в плодородной Байдарской долине, находилось лучшее и самое крупное из его крымских имений. Но весь этот участок остался не обмежеван. Внутри долины обнаружилось 12 татарских деревень, жители которых предъявили права на владение своими округами. В возникшем имущественном споре военный губернатор Михельсон был целиком на стороне местного населения и специально обращал внимание на этот конфликт членов Новороссийского Комитета, утверждая, что Мордвинов незаконно «овладел всею долиною Байдарскою... требуя с них [жителей деревень] повинностей подданных и присваивая все земли, кои казенным татарам всегда принадлежали...» [РГИА, Ф. 1307, Оп. 1, Д. 7, л. 3 об.].

Мордвинов же убеждал членов Комитета, что в горной части полуострова крым-

² На самом деле – порядка 200 дес. «между Алуштой и Балаклавским мысом» [19, с. 93]

³ М. Л. Фалеев – соратник и подрядчик Потемкина, бесплатно получивший многочисленные земельные наделы от своего шефа, Мордвинов сотрудничал с ним по вопросам обеспечения флота во время прохождения службы в Николаеве [10, с. 59]

скотатарские крестьяне никогда не владели землей «целыми обширными уделами». Ранее эти владения принадлежали ханам и мурзам, которым рядовые татары выплачивали «ушур» (десятину) за право ими пользоваться. Он считал, что при доказательстве прав собственности опираться стоило, прежде всего, на письменные документы, игнорируя устные свидетельства, отмечал, что «свойства и промышленность» местных татар не соответствует «качеству земель» горной части полуострова, что «редкий какой-либо татарин посадил дерево или развел сад» в этом регионе. Хлебопашество у них, сообщал Мордвинов, состоит «в неисправном самом» состоянии, «в неопрятном скотоводстве», и это приводит только к окончательному разорению садов. Основная же отрасль «промышленности» заключается «в истреблении без всякого разбору прекраснейших тамошних лесов». В связи с чем, считал целесообразным основную часть местного мусульманского населения переселить в степной Крым [РГИА, Ф. 1307, Оп. 1, Д. 13, л. 1 об.–2, 3–3 об.].

Подобные мнения о хозяйственной непригодности крымских татар, а также их коварстве, лени, приверженности к лжесвидетельству и т.п. «прегрешениях» являлись достаточно распространенными в то время среди помещиков-христиан и чиновников Таврической губернии. Например, местный землевладелец А. Таранов, выбранный в качестве депутата от «помещиков христианского закона» в состав действовавшей на полуострове в 1800 г. землеустроительной комиссии, считал их народом «во многих политических отношениях вредным» [17, с. 68]. Как и Мордвинов, он предлагал не имевших подтверждающих документов на собственность татар из Горного и Южнобережного Крыма переселить на казенные земли в степной части полуострова, полагая, что «из ленивых тунеядцев, питавшихся продажей плодов, там изобилующих, и незаконным опустошением лесов, необходимость может сделать их добрыми хлебопашцами и хозяевами полезного скотоводства, состоящего из лошадей, рогатого скота и овец» [17, с. 69].

Более резко высказывались таврические помещики Ф. Поляков и Е. П. Сарандинаки, также депутаты от местных дворян-христиан, но уже в составе другой землеустроительной комиссии, сформированной в 1802 г. Они обвиняли крымских татар в постоянных изменах, земельных самозахватах, хроническом нарушении присяги и лжесвидетельстве («назовут своим и то, что захватили после выведенных из Крыма в знатном количестве греков и армян» [20, с. 50]).

Еще один депутат В. Чернов, представлявший интересы дворян-христиан Акмечетского уезда, доказывая необходимость поддержки российских помещиков в Крыму, утверждал, что «вообще примечено, что татары не способны к хозяйству...», да и в целом, «общей пользе противно давать случай ленивому стеснять трудолюбивого» [20, с. 63]. Он также считал, что «ябеда и алчность к корыстолюбию овладели татарами», которые начали различными махинациями, подлогами, клятвопреступлениями и т.п. действиями предъявлять права на земли помещиков (в частности, доверителей Чернова). Причем вначале это были редкие единичные случаи, а потом стали массовыми [20, с. 65–66]. Справедливости ради следует отметить, что главными виновни-

ками в сложившейся тяжелой и противоречивой ситуации в землеустройстве Крыма, Чернов считал местных коррумпированных чиновников.

Схожие сожаления, что «прекрасные жаркие долины Южного берега населены неспособными, ленивыми и часто очень опасными татарами, склонными больше к уничтожению, чем к насаждению растений...» высказывал на страницах своих «Наблюдений» знаменитый естествоиспытатель академик Паллас [32, с. 115–116, 148–149, 153, 155–156]. Но такой взгляд, по-видимому, сформировалось у ученого далеко не сразу, а после многочисленных судебных тяжб с крымскими татарами, обвинявшими его в захвате общественных земель [см.: 23, с. 199–239; 34, с. 235–237]. Ведь еще за несколько лет до этого высказывания в другом своем «крымском описании» Паллас с необыкновенной для себя поэтичностью восхищался «простой жизнью» «добродушных крымских татар», обитавших «в сих райских долинах» [31, с. 57].

Конечно, все эти мнения носили предвзятый характер. Высказывалась публика прямо заинтересованная в решении земельного вопроса на полуострове с позитивным для себя результатом. В их интересах было изобразить противоположную сторону конфликта в негативном свете. Вместе с тем следует отметить, что многие российские помещики в Крыму оказались «заложниками обстоятельств», поскольку получали участки в полной уверенности, что они «пустопорожние» – без населения и владельцев. На практике же оказывалось, что внутри наделов изначально находились крымскотатарские крестьяне, которые стали претендовать на эти земли в качестве собственников. Часть обвинений в отношении крымских татар также имела под собой основания. И, например, случаи их лжесвидетельства в российских судах разных инстанций при составлении межевых планов и определении границ земельных наделов постоянно фиксируются в архивных документах, чиновничьих отчетах, откликах современников [32, с. 159–160; РГИА, Ф. 1307, Оп. 1, Д. 4, л. 19; ГАРК, Ф. 24, Оп. 1, Д. 306, л. 51; Ф. 24, Оп. 1, Д. 307, л. 4, 5].

Важно отметить, что подобные мнения не находили поддержки в итоговых решениях имперской власти [30, с. 38–47]. На состоявшемся 17 апреля 1802 года заседании Непременного совета – формально высшего совещательного органа Российской империи, в состав которого входили ключевые государственные деятели державы – был специально рассмотрен вопрос о земельных спорах в Крыму и в целом поддержана позиция Михельсона [2, т. 3, ч. 1, стлб. 843–854]. Обсудив, сначала «мнение» адмирала Мордвинова, а затем представление губернатора Михельсона, члены заседания вынесли собственное заключение данному по вопросу. Было отмечено, что «важнейшую часть населения» полуострова по-прежнему составляют крымские татары, которых насчитывалось «более 75 000 душ». В то же время численность всех российских переселенцев «с дворовыми людьми и с бежавшими» к началу XIX в. едва достигала 700 человек [там же, стлб. 852]. Под предлогом переселения этого незначительного количества людей были осуществлены в Крыму массовые раздачи земель. Причиной «настоящего упадка сей некогда процветавшей страны» стало «стеснение прежних ея жителей, понудившее их к переселению из отечества, и на-

стоящее положение оставшихся...» [там же]. Таким образом, планы правительства заселить пустующие в Крыму земли «просвещенными иностранцами», горячим сторонником которых выступал Мордвинов, оказались проваленными («сколь мера сия была тщетна, двадцатилетний доказал опыт»). Только «оставшиеся жители» (то есть, крымские татары) уберегли «сей край от совершенного его опустения». Поэтому «для восстановления сей страны» необходимо было поставить их «в независимости от притязаний помещиков». При осуществлении возврата земель крымским татарам, конечно, могли нарушаться права собственности помещиков, предоставленные им правительством, но, по заключению членов Непременного совета, предпочтение в решении земельных споров необходимо было отдавать именно татарам, «яко древнейшим и для блага общаго полезнейшим» [там же, стлб. 853].

Итоговый доклад Новороссийского Комитета также имел вполне позитивные для крымских татар выводы. Еще до его утверждения члены Комитета отвергли радикальные предложения Мордвинова, и адмирал, обидевшись, не стал ставить подпись под документом. Вместо этого пообещал свое «Мнение» представить императору отдельно [РГИА, Ф. 1307, Оп. 1, Д. 1, л. 53; см. также: 28; 16]. В докладе, между тем, предлагалось предпринять ряд важных шагов для нормализации земельных отношений в Крыму.

Во-первых, члены Новороссийского Комитета считали необходимым еще раз подтвердить на государственном уровне личную свободу крымских татар вне зависимости от их происхождения и гарантировать сохранение и соблюдение всех прав, которыми они обладали при ханах. Далее планировалось оставить в полном и свободном распоряжении все имущество, которым крымские татары пользовались фактически, и на которое могли представить доказательства как письменные, так и устные, подтвержденные «строгой магометанскою присягою». Причем передавалось в собственность даже такое имущество (главным образом земельные участки), которое до этого формально находилось в распоряжении казны или помещиков. В-третьих, крымскотатарские крестьяне, возделывавшие собственнические земли российских помещиков и татарских мурз, должны были выплачивать хозяевам десятину с урожая и выполнять отработки в их пользу, но не более восьми дней в году. Такие обязательства, по мнению членов Комитета, были справедливы, так как повторяли правила, существовавшие во времена Крымского ханства. Если же земля числилась казенной (то есть ранее принадлежавшей хану или входившей в султанский санджак), то и эти обязательства отменялись. Непосредственно жилища крымских татар и приусадебные участки планировалось объявить их бесспорной собственностью, отобрать которые никто не был в праве. Существовавшие земельные конфликты предполагалось урегулировать путем проведения тотального межевания в Таврической губернии [РГИА, Ф. 1307, Оп. 1, Д. 1, л. 58–62]. Текст доклада был утвержден членами Новороссийского Комитета (за исключением Мордвинова) 3 марта 1802 г. и направлен директору почтового департамента Д. П. Трощинскому для представления императору [РГИА, Ф. 1307, Оп. 1, Д. 1, л. 53].

Предложения Комитета император не посчитал нужным внедрить сразу. В итоге решено было разобраться с проблемой путем учреждения специализированной комиссии, расквартированной непосредственно в Крыму. «Комиссия для разрешения споров о праве на владение земель на Крымском полуострове» была учреждена 19 мая 1802 г. и проработала вплоть до 1810 г. [ПСЗРИ I, т. 27, № 20276; т. 31, № 24349]. Итоги ее деятельности по-разному оценивались исследователями. Отмечалось, что результаты «не вполне оправдали возлагавшиеся на нее надежды и далеко не разрешили всех вопросов земельного права, особенно запутанного в Крыму» [12, с. 10]. В то же время, справедливо указывалось, что решения Комиссии закрепили то положение в крымском землеустройстве, которое сложилось после присоединения Крыма к России [18, с. 79]. Мы же отметим, что одним из главных недостатков и упущений в работе этого учреждения стало игнорирование или искаженное восприятие важных традиционных институтов местного землеустройства (вакуф, бейлик, меват, шифат, джемаат), что заложило серьезные проблемы в экономическую и социальную жизнь полуострова, решать которые в дальнейшем приходилось десятилетиями [15, с. 491–512].

Таким образом, ни один из предложенных проектов по устранению проблем крымского землеустройства не был принят властью в качестве «пилотного». Радикальное решение в чью-то пользу оказалось несвоевременным и невыгодным государству. Объяснение этому можно найти во внутривосточной ситуации. Так, после неоднозначных «павловских реформ» имперская власть стала очень чутко относиться к настроениям дворян, особенно в такой болезненной сфере, как взаимоотношение с крестьянами, их правами на землю [27, с. 66–74]. Не случайно в процессе подготовки указа «О вольных хлебопашцах», утвержденного 20 февраля 1803 г., Кочубей счел благоразумным заранее провести инструктаж начальников губерний, разъяснив, что этот закон не несет угроз для устоявшейся зависимости крепостных крестьян от помещиков [4, с. 92–93]. С учетом присутствовавшего в настроениях привилегированной части общества обостренного отношения к любым льготам, послаблениям, предоставляемым крестьянам в ущерб помещикам, а также принимая во внимание, наличие влиятельного дворянского лобби в вопросе прав собственности в Крыму, имперская власть не видела необходимости в решительном содействии крымским татарам.

В то же время и односторонняя поддержка требований российских помещиков в Крыму расходилась бы с проводимой в тот период внутренней политикой государства. Как известно, в первые годы царствования Александра I вновь стали популярны идеи «просвещенного правления» времен Екатерины II («все при мне будет, как при бабушке») [8, с. 34–62], важную часть которых составляли веротерпимость, «мягкая» интеграция завоеванных или присоединенных территорий, толерантное отношение к жителям их населявших. Инкорпорация Крыма, официальная позиция, занятая государством в отношении местных мусульман, в этом смысле являлись одним из ярких примеров такой политики, преемственность которой теперь необходимо было

демонстрировать и новому императору. К тому же важное значение с самого начала царствования Александра I стал иметь и внешнеполитический фактор: назревавший конфликт с Францией, затем с Турцией, вызывали у правительства обоснованные опасения возможной поддержки крымскими татарами своих заморских единоверцев [см.: 26, с. 136, 142–146].

Избранный имперской властью способ устранения проблем в крымском землеустройстве – создание комиссии для разбора споров – по-видимому, являлся оптимальным для государства в рассматриваемый период в том смысле, что в сложных внутри- и внешнеполитических обстоятельствах не являлся средством поддержки какой-либо из заинтересованных сторон. Краткосрочная цель – снизить градус противостояния – таким решением достигалась. Примененная «методика» изучения и урегулирования конфликтных ситуаций путем учреждения специализированных комиссий с широкими полномочиями в дальнейшем получила широкое применение в Крыму, причем не только в местном землеустройстве, но и в вопросах этноконфессиональных противоречий, статусных привилегий (предоставление дворянства), экономических, административных преобразований [7; 18, с. 29–81; 1, с. 646–648; 21; 22; 35]. Но рассматривая проблему в ретроспективе всего XIX в., следует признать, что многочисленные сложности, конфликты, возникшие в земельной сфере в Крыму в конце XVIII – начале XIX вв., в результате правительственных мер были законсервированы, но не решены. Доказательством тому служат судебные споры, растянувшиеся на десятилетия, не утихавшее муссирование проблемы в чиновничьих переписках, докладах, мемуарах, позднее, в пореформенный период, вылившиеся в общероссийские публичные дискуссии в земских учреждениях, прессе, в многочисленных жалобах и обращениях крымских мусульман к имперским властям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Араджиони М.А. Греки-дворяне Таврической губернии в конце XVIII – XIX вв. (по документам Госархива в Автономной Республике Крым) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 641–660.
2. Архив Государственного совета: в 5 т. СПб.: Тип. Второго Отделения Е.И.В. Канцелярии, 1869–1904.
3. Берендтс Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации (Записка, составленная в декабре 1903 года). СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1913.
4. Бикташева А.Н. Казанское губернаторство первой половины XIX века: Бремя власти. 2-е изд., доп. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014.
5. Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 1. СПб.: Типография Ф. Сущинского, 1869.
6. Будзар М.М. Доля маєтку Мордвинових в Ялті у контексті історії міста: 1873–1900-й роки (за архівними матеріалами) // Історичний архів. 2014. Вип. 12. С. 39–46.
7. Воскресенский А. Татары и земельно-устроительные комиссии в Крыму // Вестник Таврического Земства. 1904. № 6 (март). С. 39–56; № 7–8 (апрель). С. 24–49.
8. Демкин А.В. «Дней Александровых прекрасное начало...»: внутренняя политика

- Александра I в 1801–1805 гг. М.: Кучково поле, 2012.
9. Дружинина Е.И. Южная Украина в 1800–1825 гг. М.: Наука, 1970.
  10. Иванов П.А. Очерк деятельности на юге России адмирала графа Н. С. Мордвинова // ИТУАК. 1895. № 23. С. 24–70.
  11. Иконников В.С. Граф Н. С. Мордвинов. Историческая монография. СПб.: Типография и литография А. Траншеля, 1878.
  12. Исторический очерк русского законодательства по вопросам земельного права в Крыму. Симферополь, б.г.
  13. Камер-фурьерский церемониальный журнал. Январь-июнь 1802 года. СПб., 1902.
  14. Кирсенко Г.К. О прошении депутатов Таврической области на Высочайшее Имя в 1796 году и Высочайшем указе 17 сентября 1796 г. // ИТУАК. 1897. № 2. С. 16–17
  15. Конкин Д.В. Вакуфное землевладение в контексте деятельности первых землеустроительных комиссий в Крыму (1796–1810 гг.) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 491–512.
  16. Конкин Д.В. «Мнение относительно Крыма» Н. С. Мордвинова: взгляд русского помещика на земельный вопрос в Крыму (конец XVIII – начало XIX вв.) // Крымское историческое обозрение. 2015. № 3. С. 31–46.
  17. Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымскотатарского землевладения. (Продолжение) // ИТУАК. 1896. № 24. С. 35–71.
  18. Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымскотатарского землевладения. (Окончание) // ИТУАК. 1896. № 25. С. 29–88.
  19. Лашков Ф.Ф. Сборник документов по истории крымскотатарского землевладения. (Продолжение) // ИТУАК. 1896. № 25. С. 89–158.
  20. Лашков Ф.Ф. Сборник документов по истории крымскотатарского землевладения. (Окончание) // ИТУАК. 1897. № 26. С. 24–154.
  21. Мавріна О.С. До питання про надання мурзам роду Ширінів дворянського титулу // Східний світ. Київ, 2010. № 2. С. 55–61.
  22. Мавріна О.С. Щодо процедури розгляду документів татарської знаті в Таврійському дворянському депутатському зібранні // Сходознавство. Київ, 2011. № 53–54. С. 50–59.
  23. Маркевич А.И. Академик П. С. Паллас. Его жизнь, пребывание в Крыму и учебные труды (к столетию со дня смерти) // ИТУАК. 1912. № 47. С. 167–242.
  24. Маркевич А.И. К столетию Отечественной войны. Таврическая губерния в связи с эпохой 1806–1814 годов. Исторический очерк // ИТУАК. 1913. № 49. С. 1–100.
  25. Маркевич А.И. Переселение крымских татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму // Известия АН СССР. 1928. № 4. С. 375–405.
  26. Мертваго Д.Б. Записки (1760–1824). СПб.: Русская симфония, 2006.
  27. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989.
  28. Мордвинов Н.С. Мнение относительно Крыма // Русская старина. 1872. Т. 5. Вып. 2 (Февраль). С. 199–214.
  29. Мордвинова Н.Н. Записки графини Н. Н. Мордвиновой // Русский архив. 1883. № 1. С. 145–199.
  30. Никифоров М.А. О проблемах интеграции Крыма в состав Российской империи в правление Екатерины II // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2015. № 1(67). С. 38–47.
  31. Паллас П.С. Краткое физическое и топографическое описание Таврической области. СПб.:

- Императорская типография, 1795.
32. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М.: Наука, 1999.
  33. Сумароков П.И. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. I. СПб.: Императорская Типография, 1803.
  34. Съгин А.К. Ботаник Петр Симон Паллас. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2014.
  35. Konkin D.V. The “Wakf Question” in the System of Relations between Russian Autocracy and Crimean Moslems (Late Eighteenth to Early Twentieth Centuries) // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 431–444.
  36. O'Neill K.A. Between Subversion and Submission: The Integration of the Crimean Khanate into the Russian Empire, 1783–1853: diss. ...for a degree Ph. D., Dept. of History. Cambridge, Massachusetts, 2006.

REFERENCES

1. Aradzhioni M.A. Greki-dvoriane Tavricheskoi gubernii v kontse XVIII – XIX vv. (po dokumentam Gosarkhiva v Avtonomnoi Respublike Krym). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2006, Vol. 12, pp. 641–660.
2. *Arkhiv Gosudarstvennogo soveta*. S-Petersburg, Tipografiia II-go otdeleniia E.I.V. Kantseliarii, 1869–1904, Vol. 1–5.
3. Berendts E.N. *O proshlom i nastoiashchem russkoi administratsii*. S-Petersburg, Tipografiia M. M. Stasiulevicha, 1913.
4. Biktasheva A.N. *Kazanskoe gubernatorstvo pervoi poloviny XIX veka: Bremia vlasti*. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2014.
5. Bogdanovich M.I. *Istoriia tsarstvovaniia imperatora Aleksandra I i Rossii v ego vremia*. S-Petersburg, Tipografiia F. Sushchinskogo, 1869, Vol. 1.
6. Budzar M.M. Dolia maetku Mordvinovikh v Ialti u konteksti istorii mista: 1873–1900-i roky (za arkhivnimi materialami). *Istorychnyi arkhiv*, 2014, N 12, pp. 39–46.
7. Voskresenskii A. Tatory i zemel'no-ustroitel'nye komissii v Krymu. *Vestnik Tavricheskogo Zemstva*, 1904, N 6, pp. 39–56; N 7–8, pp. 24–49.
8. Demkin A.V. “Dnei Aleksandrovykh prekrasnoe nachalo...”: *vnutrenniaia politika Aleksandra I v 1801–1805 gg.* Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2012.
9. Druzhinina E.I. *Iuzhnaia Ukraina v 1800–1825 gg.* Moscow, Nauka Publ., 1970.
10. Ivanov P.A. Ocherk deiatel'nosti na iuge Rossii admirala grafa N. S. Mordvinova. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1895, N 23, pp. 24–70.
11. Ikonnikov V.S. *Graf N. S. Mordvinov. Istoricheskaia monografiia*. S-Petersburg, Tipografiia A. Transhelii, 1878.
12. *Istoricheskii ocherk russkogo zakonodatel'stva po voprosam zemel'nogo prava v Krymu*. Simferopol, [without year].
13. *Kamer-fur'erskii tseremonial'nyi zhurnal. Ianvar'-iiun' 1802 goda*. S-Petersburg, 1902.
14. Kireenko G.K. O proshenii deputatov Tavricheskoi oblasti na Vysochaishee Imia v 1796 godu i Vysochaishem ukaze 17 sentiabria 1796 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1897, N 2, pp. 16–17.
15. Konkin D.V. Vakufnoe zemlevladienie v kontekste deiatel'nosti pervykh zemleustroitel'nykh komissii v Krymu (1796–1810 gg.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2008, Vol. XIV, pp. 491–512.

16. Konkin D.V. «Mnenie otnositel'no Kryma» N. S. Mordvinova: vzgliad russkogo pomeshchika na zemel'nyi vopros v Krymu (konets XVIII – nachalo XIX vv.). *Krymskoe istoricheskoe obozrenie*, 2015, N 3, pp. 31–46.
17. Lashkov F.F. Istoricheskii ocherk krymskotatarskogo zemlevladieniia. (Prodolzhenie). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1896, N 24, pp. 35–71.
18. Lashkov F.F. Istoricheskii ocherk krymskotatarskogo zemlevladieniia. (Okonchanie). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1896, N 25, pp. 29–88.
19. Lashkov F.F. Sbornik dokumentov po istorii krymskotatarskogo zemlevladieniia. (Prodolzhenie). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1896, N 25, pp. 89–158.
20. Lashkov F.F. Sbornik dokumentov po istorii krymskotatarskogo zemlevladieniia. (Okonchanie). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1897, N 26, pp. 24–154.
21. Mavrina O.S. Do pitannia pro nadannia murzam rodu Shyriniv dvorians'kogo tytulu. *Skhidnii svit*, Kiev, 2010, N 2, pp. 55–61.
22. Mavrina O.S. Shchodo protseduri rozgliadu dokumentiv tatars'koï znati v Tavriis'komu dvorians'komu deputats'komu zibranni. *Skhodoznavstvo*, Kiev, 2011, N 53–54, pp. 50–59.
23. Markevich A.I. Akademik P. S. Pallas. Ego zhizn', prebyvanie v Krymu i uchebnye trudy. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1912, N 47, pp. 167–242.
24. Markevich A.I. K stoletiiu Otechestvennoi voiny. Tavricheskaia guberniia v sviazi s epokhoi 1806–1814 godov. Istoricheskii ocherk. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1912, N 49, pp. 1–100.
25. Markevich A.I. Pereselenie krymskikh tatar v Turtsiiu v sviazi s dvizheniem naseleniia v Krymu. *Izvestiia Akademii Nauk SSSR*, 1928, N 4, pp. 375–405.
26. Mertvago D.B. *Zapiski (1760–1824)*. S-Petersburg, Russkaia simfoniia Publ., 2006.
27. Mironenko S.V. *Samoderzhavie i reformy. Politicheskaia bor'ba v Rossii v nachale XIX v.* Moscow, Nauka Publ., 1989.
28. Mordvinov N.S. Mnenie otnositel'no Kryma. *Russkaia starina*, 1872, N 5, pp. 199–214.
29. Mordvinova N.N. Zapiski grafini N. N. Mordvinovoi. *Russkii arkhiv*, 1883, N 1, pp. 145–199.
30. Nikiforov M.A. O problemakh integratsii Kryma v sostav Rossiiskoi imperii v pravlenie Ekateriny II. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriia «Istoricheskie nauki»*, 2015, N 1(67), pp. 38–47.
31. Pallas P.S. *Kratkoe fizicheskoe i topograficheskoe opisanie Tavricheskoi oblasti*. S-Petersburg, Imperatorskaia Tipografiia, 1795.
32. Pallas P.S. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnyim namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh*. Moscow, Nauka Publ., 1999.
33. Sumarokov P.I. *Dosugi krymskogo sud'i ili vtoroe puteshestvie v Tavridu. Part I*. S-Petersburg, Imperatorskaia Tipografiia, 1803.
34. Sytin A.K. *Botanik Petr Simon Pallas*. Moscow, Tovarishestvo nauchnykh izdaniï KMK Publ., 2014.
35. Konkin D.V. The “Wakf Question” in the System of Relations between Russian Autocracy and Crimean Moslems (Late Eighteenth to Early Twentieth Centuries). *Materialy po arkeologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2015, Vol. XX, pp. 431–444.
36. O'Neill K.A. *Between Subversion and Submission: The Integration of the Crimean Khanate into the Russian Empire, 1783–1853: diss. ...for a degree Ph. D.*, Dept. of History. Cambridge, Massachusetts, 2006.

Конкин Д. В.

Земельные конфликты в Крыму (конец XVIII – начало XIX вв.): «мнения» и «проекты»

Резюме

В статье на основании ранее неизвестных документов из фондов РГИА рассматривается проблема земельных конфликтов в Крыму в конце XVIII – начале XIX вв. Многочисленные нарушения при земельных пожалованиях в Крыму стали одной из главных причин экономического упадка полуострова. Для нормализации экономической жизни имперской власти предстояло решить сложную задачу, каким образом выполнить обязательства правительства о сохранении прежних прав и традиций местного мусульманского населения и в то же время не нарушить собственнические права новоприбывших российских помещиков. Различные точки зрения на право владения землями в Крыму стали предметом споров государственных деятелей Российской империи в рамках Новороссийского Комитета, учрежденного указом императора Александра I. С одной стороны министр внутренних дел Кочубей и новороссийский губернатор Михельсон считали возможным вернуть земли крымским татарам. С другой стороны крымский землевладелец адмирал Мордвинов отмечал необходимость соблюдать имущественные права новоприбывших российских помещиков. Особое внимание в статье уделено восприятию мусульманского населения Крыма новоприбывшими российскими помещиками. В конечном итоге императором было принято решение урегулировать проблему с помощью землеустроительной комиссии, действовавшей непосредственно в Крыму. Такое действие позволило на время успокоить конфликт, но в целом, проблема решена не была.

Ключевые слова: Российская империя, Крым, крымские татары, российские помещики, земельные отношения, Новороссийский Комитет, В. П. Кочубей, Н. С. Мордвинов, И. И. Михельсон.

D. V. Konkin

The Land Conflicts in the Crimea (Late Eighteenth to Early Nineteenth Centuries): “Memoires” and “Projects”

Summary

This article analyses, according to previously not known documents stored in the Russian State Historical Archive, the problem of land conflicts in the Crimea in the late eighteenth and early nineteenth centuries. Numerous breaches in land-granting in the Crimea became an important reason for the economical decline of the peninsula. To settle its economic life, the imperial government had to solve a complicated problem, fulfilling the government’s obligation of keeping previous rights and tradition of the Moslem population, and, in the same time, of non-violating the rights of new-coming Russian proprietors. Different opinions concerning the right to own lands in the Crimea were discussed by state persons of the Russian Empire in the New Russia Committee, established by an order of Emperor Alexander I. On the one hand, Home Minister Kochubei and Governor of New Russia Mikhelson considered it possible to return disputable lands to Crimean Tatars. On the other hand, one of Crimean landowners, Admiral Mordvinov noticed the necessity to respect the propriety interests of the newly arrived Russian landowners. Finally, the Emperor decided to settle the problem by establishing a land-use commission to act directly in the Crimea. This solution allowed one to appease the conflict for a certain period, though the problem was not settled in general.

Keywords: Russian Empire, Crimea, Crimean Tatars, Russian landowners, land relations, New Russia Committee, V. P. Kochubei, N. S. Mordvinov, I. I. Mikhelson.